

ванных" и "нормальных". Отвечая на него, исследователь называет в первую очередь профессиональные сообщества – медиков, ученых. Врач может определить тип стигмы. Понятие "нормального человека" может основываться на медицинском подходе к человеку или тенденции крупных бюрократических организаций (таких, как национальное государство) обращаться со всеми своими членами одинаково. Это понятие, каким бы ни было его происхождение, задает основную схему, следуя которой обычные люди постигают себя. Любопытно, что эта конвенция сложилась в популярных жизнеописаниях, где человек, относительно идентификации которого возникают вопросы, доказывает свою нормальность, ссылаясь на наличие жены и детей и, как ни странно, на то, что он провел с ними Рождество и День благодарения [8, с. 12].

Гофман иронически замечает, что в Америке есть только один тип "нормального" мужчины: молодой, женатый, белый, живущий в городе, происходящий с севера, гетеросексуальный, протестант, отец, имеющий высшее образование, трудоустроенный, внешне импозантный, могущий похвалиться недавними спортивными достижениями.

Таким образом, Гофман резюмирует, что стигматизация есть черта, присущая любому обществу, где существуют нормы, которые касаются идентичности личности и социума. Стигма в самом человеке создает пробел между видимой и реальной идентичностью, потому каждое явления стигматизации и стратегия управления стигмой является общеобязательной.

Гофмана иногда обвиняют в том, что его теория обращается только на людей с девиантной идентичностью. Предметом его анализа, действительно, становятся алкоголики, наркоманы, женщины после операции на грудь, слабовидящие, беременные незамужние женщины, больные психиатрических лечебниц, нищие и т.д. Каков же эффект нашего видения и анализа экстраординарных случаев в обществе? Во-первых, постигаемыми оказываются процессы декодирования стигмы – возможности "нормальных" и "стигматизированных" вступления в коммуникацию. Во-вторых, возможность осознания и

нахождения стратегии поведения в обществе, состоящем из "нормальных" и "стигматизированных". Гофман открытым оставляет вопрос о позволительности экстраполяции выводов, касающихся стигматизации на общество в целом и на людей с отклоняющейся идентичностью. Таким образом, этот вопрос перемещается на личный уровень и звучит как "является ли каждый из нас "стигматизированным"?". Существование такого вопроса выступает главным основанием складывания толерантной общественной системы коммуникации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Goffman, E. Presentation of self in everyday life. – New York: Doubleday Anchor, 1956 (русский перевод "Представление себя другим в повседневной жизни" / Пер. с англ. А.Д. Ковалева. – М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2000).
2. Goffman, E. Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates. – New York: Doubleday Anchor, 1961.
3. Goffman, E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. – Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1963, –Harmondsworth; Penguin, 1968.
4. Goffman, E. Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior. – New York: Doubleday Anchor, 1967.
5. Goffman, E. Strategic Interaction. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1969.
6. Goffman, E. Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience. – New York: Harper and Row, 1974.
7. Goffman, E. Forms of Talk. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1981.
8. Гофман, И. Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью. Часть 1. Стигма и социальная идентичность. Часть 2. Контроль над информацией и социальная идентичность (главы 3-6). Перевод М.С.Добряковой.// Русский социологический форум, №1-4, 2000 <http://www.sociology.ru/forum/ogl3-4-2000.html>

УДК 342 (07)

Бреский О.В.

СТРУКТУРЫ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В 2004 году в Брестском государственном университете проходила конференция, посвященная проблемам становления союзов в Восточной Европе. Данный большой вопрос был разбит на множество составляющих². Но главным стержнем дискуссии на конференции явилась проблема складывания структур и статус элементов, из которых складываются Восточно-Европейские сообщества. Данная статья является попыткой осмысления проблематики Третьих Афанасьевских чтений.

1.

Социальное пространство может задаваться различными переменными. Оно может характеризоваться как раздробленное или целостное, гетерогенное или гомогенное, институционализированное или хаотичное, управляемое или неуправляемое, коммунитаристское или индивидуализированное.

Каждая из пар параметров задает шкалу, на которой можно найти реальное сообщество. Крайние значения шкал не имеют места в реальности. Нет абсолютно гетерогенного или гомогенного сообщества, существуют сообщества с той или иной степенью гомогенности или гетерогенности. Не существует обществ абсолютно раздробленных или абсолютно целостных, есть лишь сообщества с той или иной степенью целостности и раздробленности. Однако можно представить себе ситуацию, когда некий социальный субъект заявляет, что целью данного сообщества является достижения состояния полной гомогенности, или полной и абсолютной целостности или управляемости. Мы попадаем с ситуацией иного порядка, которая обусловлена отрицанием самой шкалы, на которой располагается сообщество. Категории "целостность", "гетерогенность", "управляемость" перестают быть дескриптивными

Бреский Олег Валентинович, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина
Беларусь, БрГУ, 224665, г. Брест, бульвар Космонавтов, 21.

² Вторые Афанасьевские Чтения "Социальные процессы: Восточно-Европейский контекст". Основания политических, социальных, религиозных союзов в Восточной Европе. / Программа конференции. – Брест, 2004.

понятиями, насыщаются моральным значением и выполняют роль политического инструментария – определенных меток, выполняющих функцию границ, отделяющих должное от недолжного, хорошее от нехорошего, злое от доброго. Социалистические и пост-социалистические сообщества находились и находятся в ситуации, определяемой теоремой Ирвинга Гофмана: "Попробуйте определить ситуацию неверно, и она определит вас" [1, 26]. Неверное определение ситуации в сообществах Восточной Европы состоит в оценочном использовании дескриптивных категорий при анализе состояния структуры сообществ. По сути, эта проблема оказывается главным препятствием протекания социальных и политических реформ в этой части света.

2.

Использование дескриптивных категорий в нормативном значении производит дробление социального порядка. В такой ситуации социальный порядок может быть основан на сколь угодно широком составе принципов, но среди них мы не найдем принципа толерантности.³ Толерантность основывается на признании реальности шкал с диапазонами значений, описывающих общество. Эти описания возможны, если мы изначально принимаем многообразие сообществ и социальных порядков и воздерживаемся от применения дескриптивных категорий в качестве нормативных. Если этого не происходит, мы можем наблюдать процесс дробления социального пространства, который, впрочем, не может продолжаться бесконечно, поскольку ограничен элементарными составляющими, и, собственно, косвенным своим результатом имеет выявление таких элементов. Когда, например, когда СССР распался, оказалось, что помимо СССР, представлявшего целостной структурой, существуют просто отдельные люди, их семьи, хозяйственные общества, преступные группы, Церкви, группы по интересам, политические и экономические группировки, отдельные государственные органы, сохраняющиеся вне зависимости от изменения политической системы. Тот принцип, который объединял эти разнородные элементы воедино, отпал, но его исчезновение не отменило существование самих составляющих. Важным вопросом оказывается вопрос об основаниях поведения элементарных субъектов общества в ситуации распада целостной системы, а также вопрос об образовании новых социальных структур.

Можно утверждать, что существует всего два принципа такого объединения: на основе гомогенизации пространства и на основе признания его гетерогенности. В первом случае объединение происходит либо в условиях однородного пространства⁴, либо в условиях абсолютного доминирования определенной идеологии тех социальных групп, которые разнородность пространства переживают как помеху для объединения, и потому стараются все различия в социуме сгла-

дить и свести на нет.⁵ Конечно, в этом случае совершенно некорректно ставить проблему союзов, речь идет о построении более или менее жесткой иерархии. Во втором случае сама разнородность выступает условием и значимым фактором объединения.

3.

Первая указанная модель объединения существует либо в архаических обществах, либо в обществах, которые характеризуются как тоталитарные, искусственно поддерживающие модель архаического устройства. Потому тоталитарным обществам приходится огромное количество сил тратить на обеспечение необходимой для их существования гомогенности, что оказывается решающим фактором их нестабильности⁶. С распадом тоталитарных обществ происходит обнажение факта их гетерогенности. Таким образом, вопрос о статусе таких элементарных социальных субъектов ставится естественным образом, самым фактом их наличия.

Постсоветское социальное пространство является, безусловно гетерогенным. Но объединение этого пространства, —

⁵ СССР был системой, классической для этого типа объединения. СССР воевал с обществом, не желая допустить каких бы то ни было различий в общественной структуре. Но ослабление политической власти в СССР с 60-х годов приводит к постепенной легализации гетерогенности социальной структуры. Идеологические установки КПСС мешали осуществлению этого процесса на всем протяжении советской истории. Идеологические установки мешают нормальному правовому реформированию и в настоящем, накладывая искусственные ограничения на процесс придания автономного правового статуса субъектам общественных отношений. Факт совершенно дикой приватизации, произошедшей в постсоветских государствах также может быть объяснен только такой ситуацией: никто из принимавших значимые решения не верил в длительность происходивших изменений, реформы 90-х воспринимались как короткий период очередной НЭП, после которой снова все примется за строительство коммунизма. В процессе приватизации в постсоветских республиках не было предпринято никаких попыток заключения общественного договора, никаких попыток легитимизации права собственности.

⁶ Р. Картье приводит следующие показания немецких военачальников периода Второй мировой войны, данные ими на Нюрнбергском процессе: "Ни один из политических шагов Третьего Рейха не подвергался предварительному обсуждению. Государственный Совет, которого номинальным президентом был Шахт, не собрался ни разу. Советщики собирались только по вопросам выполнения уже принятых решений, но не для обсуждения и решения проблем. Самые же решения принимались следующим образом: Гитлер призывал трех, четырех приближенных, ближе всего стоявших к данному вопросу, излагал им свой проект и говорил: «Вот чего я хочу. Что вы предлагаете?» В начале своей карьеры он еще выслушивал возражения. В конце ее он не слушал уже ничего. Он не терпел, чтобы кто-либо имел общее суждение о его политике и его замыслах. Он говорил: «Каждый должен знать только то, что его непосредственно касается и только в нужный момент, т.е., вообще говоря, как можно позже». Поэтому его дипломаты не имели понятия о его военных планах, а его генералы — о политических замыслах. Те, что ковали оружие, не знали, для чего это оружие предназначается. Кайтель свидетельствует, что ОКВ, т.е. Верховное командование вооруженными силами, не смело давать министерству иностранных дел хотя бы малейшие сведения о военных операциях. А Риббентроп заявляет, что министерству иностранных дел было запрещено давать Верховному Командованию хотя бы малейшие сведения о ходе дипломатических дел. Шнейер, министр вооружения член кабинета министров, утверждает, что он узнал о вступлении германских войск в Польшу только по радио". / Картье Р., Тайны войны. По материалам Нюрнбергского процесса. – Б.м., Посев, 1948. С. 15.

³ Этот принцип невозможно реализовать, даже если он и провозглашается, в условиях нормативизации дескриптивных категорий. Например, проблематичным оказывается соблюдение свободы совести, поскольку государство вмешивается в эту сферу, сужая, нормируя свободу совести оценочными категориями. Среди представителей Церквей оказываются хорошие и нехорошие, тоталитарные сектанты и вносящие вклад в культуру и т.д. Оценочные категории оказывают прямое влияние на правовой статус субъектов. // См. Белая книга. Материалы по проекту Закона "О свободе совести и религиозных организациях. – Минск, 2002.

⁴ Под архаическим следует понимать такое устройство общества, в котором все социальные функции выполняются одной социальной структурой, ведающей политикой, общественным порядком, экономикой, религией, нравственностью и пр., и где все социальные интеракции протекают в рамках одной нормативной системы. Классическим примером являются архаические общества, основанные на родоплеменном принципе, каковы современные кочевники Крайнего Севера или племена Амазонии. // См. Рулан, Норберт Юридическая антропология. – М., Норма, 2000.

и в случае создания союзов, и в случае построения новой иерархии, — протекает благодаря становлению нового суверена и формирования новых социальных структур. Вопрос о том, кто этот новый суверен и каков принцип формирования новых структур — один из самых важных. Или этот суверен признает факт гетерогенности пространства и выстраивает его через разграничение власти и ответственности по всему социальному пространству, либо он пытается осуществить проект новой гомогенизации социума. Или он использует дескриптивные категории и совершает творческую работу по созданию новой публичной нормативной системы, основанной на консенсусе и легитимности социального порядка, либо использует дескриптивные категории в нормативные категории для построения такого социального порядка.

Для осуществления первой модели необходимы либо достаточно сильные социальные субъекты, могущие понести осуществление определенных полномочий и социальной ответственности наряду с сувереном, либо сильная политическая воля суверена, могущего осуществить проект утверждения и развития гетерогенного пространства при наличии слабых социальных партнеров.⁷ Наиболее адекватным будет определение социальных субъектов в постсоветских обществах как слабых и неустойчивых, опирающихся на неустойчивые нормативные системы. Можно говорить о неразвитости сферы социальной этики, отсутствии корпоративной этики, периферийности канонического права даже для самой Церкви. Парадоксом может казаться то, что практически все субъекты, которые существуют в развитом гетерогенном обществе, существуют и в постсоветском: университеты, правовая система, суды, парламенты, корпорации... Но субъекты в постсоветском обществе вот уже 15 лет определяются понятием "кризис": кризис семьи, кризис социальных ценностей, кризис промышленности, кризис собственности, кризис политических партий, кризис общественных объединений, кризис местного самоуправления и пр.п. В первую очередь речь идет не о кризисе самих учреждений, а об отсутствии каналов, связывающих их нормативные основания с публичным нормативным порядком. В такой ситуации у суверена существует сильное искушение игнорировать реальную гетерогенность обществ и осуществлять политику, как будто бы в отношении гомогенного пространства. Особенно этому способствует факт трудности репрезентации социальных субъектов на уровне принятия значимых решений. Трудной задачей при изменении стратегии является выработка вместо дескриптивных категорий, которые теряют свое нормативное значение, новых нормативных систем. Очевидно, что такие нормативные системы не могут возникать на пустом месте, но должны быть основаны на предпосылках тех нормативных систем, которые действуют в сообществе и предлагать принципы сочетания и согласования различных нормативных систем.

4.

Таким образом, для Восточной Европы актуальным продолжает оставаться вопрос о необходимости нахождения адекватного артикулята для субъектов, составляющих новую социальную реальность. В отсутствие подлинного общест-

венного договора, легитимизировавшего бы изменения в современной экономической, социальной и политической жизни, складывающийся порядок обладает нестабильностью, поскольку каждый раз может быть оспорен элементами, из которых он складывается. Гомогенное социальное пространство использует в качестве артикулята идеологический или религиозный язык, легитимирующий иерархическое устройство и предлагающий систему ценностей и обоснований положению каждого из социальных субъектов в иерархии. При этом положение в иерархии диктуется самим языком, но не природой социальных субъектов и общества в целом. Потому в гомогенном пространстве существует только частное право, действие права никогда не распространяется на сферу публичных отношений.⁸ Как правило, ни один из языков, употребляемых в гомогенном обществе, не является приемлемым для гетерогенного общества, для которого важна репрезентация субъектов на уровне принятия значимых социальных решений. Для создания новой структуры, состоящей из различных элементарных субъектов, необходим универсальный язык. Гетерогенное пространство в качестве артикулята выбирает юридический язык, лишенный всяких оценочных и ценностных категорий, и применяет его в публичной сфере. В постсоветской Восточной Европе для описания возникшего гетерогенного пространства совершенно адекватно в конце 80-х-90-х годах XX века был выбран юридический язык, которым описывались публичные отношения. Во всех государствах Восточной Европы были приняты конституции, новые гражданские кодексы, законы о самоуправлении, о свободе совести, новое избирательное и хозяйственное законодательство. Юридический язык всех этих актов утверждает факт гетерогенности постсоветского общества и предоставляет инструментарий для использования гетерогенности в общих социальных и политических целях.

Существует следующий нюанс использования юридического языка в постсоциалистическом обществе. Носители гомогенного социального мировоззрения в юридическом языке, предлагающемся в качестве средства коммуникации разнообразных социальных субъектов, усматривают новую идеологию, которая навязывается им взамен прежней. И потому им очень трудно понять, в чем именно новая идеология лучше прежней. Именно в силу понимания юрицизма как инварианта идеологии, ему приписываются все беды кризисного периода. Юридический язык обвиняется в неэффективности, контрпродуктивности и неорганичности. И надо признать, что в отношении определенного числа социальных субъектов в посттоталитарной Восточной Европе, это утверждение является действительным, поскольку достаточно количество субъектов не в состоянии усвоить новый статус, — вне иерархии, с определенной собственной самостоятельностью и ответственностью.

Как следствие, использование юридического языка является достаточно непривычным, неожиданным, и наверняка, дискомфортным для постсоветских обществ, привыкших к единственно возможной логике и безальтернативной политике. Совершенно естественно, что в постсоветских обществах продолжают попытки описания новой социальной реальности с помощью иных языков, с целью преодоления дискомфорта гетерогенности и обеспечения гомогенности

⁷ Существует следующий фокус социального сознания: с точки зрения прежней гомогенной структуры, такие элементарные субъекты будут интерпретироваться как "остатки", "части" прежней структуры. Но самого субъекта такой интерпретации уже нет! В качестве субъекта такой интерпретации выступают сами объекты, осмысливающие себя именно как "остатки": прежние функционеры, партийные структуры, субъекты социалистической экономики и пр. не имеющие возможности быть репрезентируемыми в гетерогенном пространстве, поскольку лишены по своей природе такой репрезентативности.

⁸ Иоанн Грозный выражал это так: "До сих пор русские властители ни перед кем ни отчитывались, но вольны были жаловаться и казнить своих подданных, а не судились с ними ни перед кем..." // Переписка Иоанна Грозного с Андреем Курбским. — М., 1993. С. 146. Эта традиция, к сожалению, воспроизводится, в т.ч. и через периферийность конституционализма в развитии Восточной Европы. См. также исследование А. Янова "Россия и Европа. 1462-1921". — М., ОГИ, 2005.

пространства: языка идеологии, политики, теологии, преступности, стремящиеся стать универсальными и устранить значение права. Юридические нормы подвергаются критике в постсоветском обществе именно с позиций политики, идеологии, теологии, логики преступности. Юридические нормы осуждаются за "индивидуализм", "уравнение в правах", "внимание к меньшинствам" и пр. т.п.⁹

Носители такой риторики не нуждаются в праве и в юридическом языке. Чтобы репрезентировать себя и свои идеи, им не нужен юридический статус. Они добьются всего силой, распространяя логику своей группы политическими методами на все иные группы и сообщества и с готовностью поддержат политику, направленную на устранение гетерогенности социального пространства. Это очень серьезная альтернатива начатым в странах Восточной Европы в 90-е годы реформам.

5.

Следующей проблемой, параметры которой требуют выяснения, является наличие/отсутствие действительных нормативных систем неправовой природы в постсоветских обществах Восточной Европы. Иначе, что может происходить в условиях реального гетерогенного общества при отсутствии таких норм и социального капитала в ситуации, когда сувереном становится субъект, проводящий политику гомогенизации? Или что может происходить, если общество гетерогенно, но суверен проводит политику гомогенизации, а субъекты общества обладают только проектами альтернативной гомогенизации? Свойством суверена является обладание правом определять своих партнеров [9, 23]. Суверен, проводящий политику гомогенизации, избавляется от социальных партнеров; суверен, признающий гетерогенный характер общества, защищает права своих партнеров, определенные их правовым статусом. Т.о. основной проблема в странах Восточной Европы состоит в переходе от гомогенной общественной структуры к реальной гетерогенной и в способности новых сообществ к овладению новым для них юридическим языком со-

циальных коммуникаций. Очень важно исследование вопроса о том, какие группы заинтересованы в развитии гомогенной структуры общества, а какие стремятся к созданию сетевой модели, опирающейся на гетерогенность социума?

6.

Надо отметить, что одним из первых субъектов в новой Восточной Европе, осмыслившим эту ситуацию, явилась Православная Церковь, принявшая в 2000 г. Социальное учение [5], в котором утверждается факт автономности Церкви и правовая природа основ ее сотрудничества с обществом, государством и отдельной личностью в самых разнообразных сферах. Социальное учение утверждает также факт автономности иных социальных субъектов, в том числе личности. Социальное учение объявляет о том, что Церковь видит иных субъектов социальных отношений и не диктует им условия становления с ними отношений, признает отсутствие априорно заданных условий и форм таких отношений.

Социальное учение является в первую очередь конституционным каноническим документом, исполненным юрицизма. Прочтение его в ином ключе представляется некорректным. Учение открывает православным христианам факт социальной и политической гетерогенности и намечает конституционные основания их и церковного участия в социальных процессах.

Факт принятия Социального учения удивителен тем, что даже принявшим участие в работе над Социальной концепцией составляет трудность усвоения ее языка. В марте 2004 года один из разработчиков Социального учения, проф. А.Б. Зубов на конференции, посвященной Социальной концепции Православной Церкви, проводимой фондом К. Аденауэра, так изложил суть ее раздела об отношениях Церкви и государства: а) народу свойственно стремление к целостности, что и отражает концепция, б) концепция написана только для Церкви и не может быть использована вовне, в) государство возникает для решения духовных проблем и помогает спасению, а потому Церкви не может быть безразлична форма государства. Выступление А.Б. Зубова является как раз примером некорректного перевода юридического языка Концепции на философский язык политического учения, сужение универсализма юридического языка концепции. В этом случае происходит лишь одно: сворачивается гетерогенность и универсальность юридического языка и перед нами предстает гомогенный мир, в котором государство выполняет какие-то духовные функции, а Церковь пытается понять, что же остается за ней. Надо ли говорить о том, что в этом случае Социальное учение Церкви становится совершенно ненужным? Оно однозначно интерпретируется как некая политическая программа православных, каковой, она, конечно же, не является в действительности.

Еще одним примером попытки искусственного игнорирования факта гетерогенности социального пространства служит белорусский Закон "О свободе совести и религиозных организациях". Этот Закон пытается создать механизм установления лояльных суверену субъектов правоотношений, тем самым идеологизируя право. Такое происходит от убежденности авторов закона в том, что государство должно выполнять духовные функции, т.е. функции по гомогенизации социального пространства. Закон пытается в самом себе преодолеть юридические рамки, за что и подвергается критике международных сообществ и правозащитных организаций. Вместе с тем, безусловно, что Закон в себе заключает и положительное значение, поскольку осуществляет несовершенно, но все-таки осуществляет новое видение Церкви и религиозных организаций как автономных субъектов социальных отношений.

7.

Безусловно, что Восточно-Европейским сообществам понадобится достаточно длительная эволюция сознания к пониманию ситуации необходимости использовать в строительстве Восточной Европы именно гетерогенность своего пространства, задействуя в качестве средства коммуникации право.

⁹ Характерный пример, я думаю, очень узнаваемый: Илья Глазунов, российский художник, говорит о себе: "Я монархист, ненавижу демократию во всех ее проявлениях... безмерно чту Николая Первого за то, что в 1825 году он раздавил на Сенатской площади декабристскую сволочь, отсрочив буржуазную революцию, а с ней и приход большевиков..." // <http://1001.ydv.ru/books/vandenko/7.htm>. Или "Русская линия" интервьюирует некоего Куимова: "Какой видят грядущую Россию русские православные патриоты?", Куимов отвечает: "Если ты - русский православный патриот, то ты - монархист. Если ты - не монархист, то ты - либо не русский, либо не православный. Это - аксиома... великий Светильник земли Русской сказал: "Демократия - в аду, а на Небе - царство". Мы, русские православные патриоты стремимся обустроить нашу Россию по образу и подобию Небесного Царства. Все сегодня видят, что демократия западного образца не приживается в России. В сознание русского народа крепко вошло, что демократия - это обман, подлог, как точно подметил в свое время Константин Победоносцев, а затем повторил приснопамятный митрополит Иоанн (Снычев) демократия - это "великая ложь нашего времени". Неудивительно, что демократические процессы в России протекают отдельно от реальной народной жизни. Нас, русских православных патриотов-монархистов, нередко пытаются увести в бесплодные разговоры о частностях... Пока же нам, как воздух, нужно русское национальное правительство, которое начало бы постепенно, методично вычищать ту грязь, которая заполнила наши государственные институты, пропитала все поры нашего общества. Национальное правительство должно готовить русский народ к возрождению монархии в России..." // www.rusk.ru/st.php?idar=1000317.

Воспроизведение гомогенной структуры общества и политики в Восточной Европе бросает народы Восточной Европы в блуждание по кругу своей истории, обеспечивая их архаичный характер. Ф. фон Хайек 50 лет назад описывал проблемы гомогенизированных централизованных иерархий в отношении информации и принятия решений. Чтобы контролировать все в своих владениях, авторитарный правитель нуждается в информации и знаниях, необходимых, чтобы принимать решения. В сельскохозяйственном обществе, где лорды правили крестьянами, навыков верховой езды, владения мечом и некоторых знаний политики, а также благословения местного епископа было, видимо, достаточно для обеспечения монополии на власть. Однако с развитием и усложнением экономики информационные потребности управления растут экспоненциально. Современная власть нуждается в технологических знаниях, которыми ни один из правителей не может надеяться владеть в полной мере; таким образом, он должен во всем полагаться по крайней мере на технических экспертов — от создания оружия до управления налоговой системой. [2, 17]. Но именно поэтому современные государства и общества не могут обходиться без разграничения власти внутри социальных гетерогенных систем, что не только не ослабляет государства и общества, но делает их гораздо более гибкими и сильными.

Без осознания гетерогенности современного мира невозможно создание эффективных социальных структур в Восточной Европе. В противном случае Восточная Европа обречена на постоянное раздваивание, обладая развитой гетерогенной структурой примерять несвойственные для себя маски, скрывающие ее гетерогенность и раскалывающие общества на основе дескриптивных категорий. Гомогенизация Восточной Европы вымывает самое существенное условие ее органичного развития: социальный капитал и нормативные системы неправовой природы. Социальный капитал не накапливается в гомогенно организованном социуме, в котором отсутствуют его держатели и конкуренция нормативных порядков. Гетерогенное общество не может быть основано на всеобщем недоверии и изолированных один от другого социальных институтах. Ф. Фукуяма замечает, что "картина ничем не ограниченного конкурентного индивидуализма в современных обществах, опро-

вергается многочисленными более летальными социологическими исследованиями истинной природы технологического развития... Под поверхностью кажущейся неограниченной индивидуалистической конкуренции скрывается широкий спектр социальных сетей... Эти социальные сети имеют различные источники — общее образование... и общее профессиональное прошлое..." [8, 195]. Именно на этот аспект социальной жизни следовало бы обращать большее внимание при изучении современных социальных процессов и их схожей природе на Востоке и Западе Европы.

Утверждение Восточно-Европейских сообществ, как гетерогенных сложных систем, актуализирует значение образа действия субъекта, значение субъекта, принимающего значимые решения: от избирателя до менеджера производства и чиновника. Появление и утверждение таких субъектов, пожалуй и есть единственное условие составления эффективных социальных структур в Восточной Европе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Goffman, Erving, Piętno. Rozważania o zranionej tożsamości. – Gdańsk, Gdańskie Towarzystwo Psychologiczne, 2005.
2. Hayek, Friedrich A. The Fatal Conceit: The Errors of Socialism. Chicago: University of Chicago Press, 1988
3. Белая книга. Материалы по проекту Закона "О свободе совести и религиозных организациях. – Минск, 2002.
4. Картье, Раймонд. Тайны войны. По материалам Нюрнбергского процесса. – Б.м.: Посев, 1948.
5. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. — М., 2000
6. Переписка Иоанна Грозного с Андреем Курбским. – М.: Наука, 1993.
7. Рулан, Норберт. Юридическая антропология. – М.: Норма, 2000.
8. Фукуяма Ф. Великий разрыв. – М. 2003.
9. Шмитт Карл. Политическая теология. – М.: Канон-Пресс-Ц, 2000.
10. Янов А. Россия и Европа. 1462-1921. – М.: ОГИ, 2005.

УДК 308:008

Лучина В.Н.

ВОЗДЕЙСТВИЕ ИСКУССТВА НА ФОРМИРОВАНИЕ ИНТЕРЕСОВ МОЛОДЁЖИ В ПЕРЕХОДНОМ ОБЩЕСТВЕ

Важнейшей функцией искусства в общественной жизни является социализация личности, т.е. в ходе которой происходит интериоризация - усвоение индивидом образцов поведения психологических механизмов, норм и ценностей, необходимых для успешного существования индивида в данном обществе [1, с. 487].

Становление личности в процессе социализации происходит под воздействием различных средств, применяемых целенаправленно в системе воспитания и образования, и влияющих на индивида стихийно в других сферах его жизнедеятельности. Искусство является важнейшим средством и целенаправленной, и стихийной социализации.

Внутренний мир личности, включающий в себя в качестве главных сторон, нравственное совершенство, духовное богатство, религиозную веру, идейно-политическую и мировоззренческую цельность и определенность, формируется в основном в соответствии с общественными интересами. Искусство как важнейшее средство творения внутреннего мира

личности служит интересам общества: оно превращает общественные интересы в субъективно-личные и таким образом порождает и укрепляет единство общества и личности.

Социальные интересы (например, семейно-бытовые, классовые, национальные, этнические, клановые и др.) сформировать трудно. Коллективный разум, коллективная воля не подвластны простым средствам внешнего воздействия. Они формируются и принимают различные состояния лишь под воздействием того, что воспринято сердцем и умом. Чтобы воздействовать на социальную группу, нацию их надо просвещать, их надо воспитывать. Просвещение и воспитание это процессы взаимодействия воспитателя и воспитанников. Поэтому главная задача воспитателя состоит в пробуждении интереса у воспитанников к целям воспитателя. В этой ситуации воспитатель должен использовать нужные средства. Эффективным средством целенаправленного воспитания интересов является искусство, о чем свидетельствует история искусства соцреализма, героического реализма и др.